

ДАВИД ШЕМОКМЕДЕЛИ

100

Стихотворений

ДАВИД ШЕМОКМЕДЕЛИ

СТО СТИХОТВОРЕНИЙ^У

в переводах Владимира Саришвили

Тбилиси
2021

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

КАМЕРТОН ТРИЕДИНСТВА (СЛОВО, ЗВУК, ЦВЕТ) СПЛЕТЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ И РЕАЛИЙ

С автором стихотворений, собранных под этой обложкой, переводчика связывает не только творческое сотрудничество, но и совместное служение на ниве общественной литературной деятельности, а самое главное, личная дружба и человеческое взаимопонимание.

Все эти составляющие легли в основу создания предлагаемого вниманию читателя сборника лирики Давида Шемокмеди, скромно озаглавленного «Сто стихотворений». Причем следует отметить, что автор и переводчик (пример, достойный подражания!) изыскили возможность, несмотря на подлинную занятость (а не искусственно вымучиваемую ее видимость) работал над книгой в режиме, скажем так, непосредственного живого диалога с консультациями и вариациями.

Давид Такидзе (литературный псевдоним Шемокмеди) родился 8 апреля 1953 года в селе Шемокмеди Озургетского района. В настоящее время он занимает высокий и почетный пост президента «Всегрузинского Общества Руставели», а на заре своего становления работал главным редактором журнала «Литература да хеловнеба» («Литература и искусство»), редактором издательства «Национальная литература», успев до того закончить ГПИ и стать дипломированным инженером.

В своем критическом отзыве на книгу новелл Давида Шемокмеди «Отчего зимой плачут птицы» несколько лет назад я писал, что, будучи «...одним из наиболее заметных грузинских литераторов-восьмидесятников, Давид Шемокмеди в своей новой книге предстает мастером психологического анализа, экспрессивно-динамичного стиля повествования. Но при этом его, взятые из жизни, образы и персонажи, в то же время символичны и метафоричны, и даже в бытовых описаниях присутствует метатекст. Это – основа стиля Давида Шемокмеди».

При всей своей искренности и проникновенности поэзия Давида Шемокмеди не сентиментальна, даже когда речь идет о ностальгии по первой любви, – ее стержень драматичен, а нередко и трагичен:

Изогнут в знак вопроса, весь иссох,
Все ждет отец, и ставни покосились.
И в черном – мать.
Где злаки колосились

На добром поле – врос бурьян, песок...
Лишь капель дождевых ка – пе – ка – пет,
Дверь хлопает, но пусто за порогом,
А над камином – паренька портрет,
Ушедшего в последнюю дорогу.

Шемокмедели – мастер сюжетной поэзии, фабульные линии которой неожиданны и непросты, но не нарочито заумны-запутанны, а вполне жизненны и правдоподобны, отчего сила их художественного воздействия только возрастает. При этом поэт постоянно следит за выверенностью композиционных построений.

Как портретист, он владеет мастерством создания «зримых» обликов, характеризующих психологию героев.

В основе этого искусства – Судьбы и Характеры, а уж вокруг этого стержня – вариации. Звукопись, живопись, детализация.

Метафорически переосмысленные судьбы героев лирики Шемокмедели разворачиваются в панораму, под которой иногда просматриваются целые эпические пласты.

Отдельная тема в поэтическом мире Шемокмедели – многострадальная история Грузии, кровоточащая рана. И обращаясь к этой теме, поэт не впадает в пафосную крикливость, его боль – из глубины сердца, оценка событий логически выверена, ценна с познавательной точки зрения, при этом исполнена не только скорби, но и любви, и надежды:

... Обычный смертный, у черты
Сраженья Возрождения – Дидгори.
Земля моя! Ты знала много горя,
Но и побед сиянье знала ты.
Иберов прах священный здесь лежит.
Я – брат ваш, безымянный и далекий,
Я сквозь века пишу вам эти строки,
Над полем брани черный вран кружит.
След благодати вашей на снегах
Вершин, в закате тонущих извечно,
И лечит раны, лечит бесконечно
Иверия, метаясь в черных снах.

Течение реки поэзии Шемокмедели нельзя назвать ровным и спокойным, скорее, оно подчинено перипетиям судеб или душевным переживаниям, духовным исканиям его героев.

Экспрессивности стиля поэт достигает с помощью различных литературных приемов (рефрены, внутренние монологи, антитеза, прерывистость повествования). И это только то, что бросается в глаза на первый взгляд. Список можно продолжить и далее по словарю литературоведческих терминов, но дело ведь не только в богатстве и разнообразии палитры художественных средств, используемых Шемокмедели. Гораздо значимее, что они являются не тропом ради тропа, а органически вызревают внутри самого поэтического существа стихотворца и уж затем появляются визуально.

Во многих стихотворениях Шемокмедели звучит авторский голос – как нерв поэтической ткани.

Интересно проследить, как в лирике Шемокмедели настоящее стремительно превращается в прошлое, и наоборот.

Судьбы и характеры живых людей, наших современников – главный предмет творческого интереса Шемокмедели-поэта. Его умение сострадать своим героям и даже метафорическим фигурам, нехарактерно для нынешней, в том числе и отечественной, литературы, ориентированной на агрессию, эпатаж и обильно приправленную нигилизмом.

Шемокмедели воспринимает современника не как враждебный объект, а как малую солнечную систему, с ее радостями и горестями, проблемами и надеждами.

Некогда мне уже доводилось говорить, что творчество Давида Шемокмедели вступило в пору золотой осени, в пору сбора винограда – ртвели, всегда символизировавшего итоги очередного отрезка жизни: плоды трудов, молитв, усердия и любви к ближнему.

Лирика Давида Шемокмедели – это лирика зрелого мастера, пришедшего в свой «виноградник» на ртвели; мастера, умудренного опытом и «побитого» жизнью, как и все наше поколение, вступившее в большую литературу в 1970-1980 годы.

Думается, что эти стихотворения, впервые предлагаемые русскоязычному читателю отдельной книгой, станут заметным вкладом в духовную коллекцию любителей высокой словесности, и что читатель по достоинству оценит степень художественности драматического мировоззрения Давида Шемокмедели – поэта, прозаика, публициста и эссеиста...

ВЛАДИМИР САРИШВИЛИ,
поэт, переводчик

ПОЭТ

Строки слез рассыпались, как снежные бусы, слились,
В горсти рифм и созвучий, как точно бы скрытых под маской,
Для кого-то – как памятник стих: славно прожита жизнь,
Для кого-то же стал безымянной могилою братской.

И какая же хворь поразила твой разум сплеча,
Что не в силах из чащи ты выбраться словосплетений,
И вельможи тебя приглашают читать при свечах,
Виршеплета, в разгар карнавальных своих развлечений.

Стих – копье пехотинца и посох пастуший тебе,
Ты воюешь, и агнцев своих защищаешь строкою,
Что ж, проклятье воздашь или благодаренье судьбе,
Когда первый твой стих родниковой польется струею?

Опустились туманы с вершин, как вечерняя снедь,
Но успел возвести ты из облака белого ране
Дом стихов и Метафор шатер, дабы вечность воспеть,
Сотворяя свой мир, между жизнью и смертью, на грани.

Внял ты голосу крови ребенком еще и прозрел,
Знал, на крыльях каких вознесешься к Парнасу впервые,
Что поэзия – бой, что сражение – поэта удел,
Что Дидгорская битва твоя – эти строки литые...

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК

Позови меня в ночь Рождества,
 Позови,
 Может, вновь я на свет появлюсь,
 Словно рухлядь, покрытая плесенью...
 И развешу, как ветошь, грехи
 Из годов глубины,
 Я на руки, покрытые мхом...
 Позови меня в миг равноденствия,
 Только взойдут
 День и ночь на заветное ложе,
 Возлягут в слиянии равном.
 Я пишу тебе праздничный адрес
 Из глуби годов,
 И щекочет мне ноздри
 Дымком ароматным назуки из печки...
 И бродящего в городе дальнем, чужом,
 Позови...
 Когда без надежды, ищу себя,
 Заживо мертвый.
 Позови же меня,
 Там, у старости врат, где мечтаньям все меньше часов остается,
 Позови меня, там, на черте,
 Между явным и скрытым от взоров...
 Одною рукою
 Удержусь за того, кто мне жизнь расцветит
 А другой – за любимых, родных, кто мне путь облегчит,
 Путь последний, по смерти...
 Позови,
 Пока мир не покину подлунный,
 Пока,
 Бросив в прошлое взгляд,

На челе у отца я увижу печаль вековечной «Урмули»,
А в сыновних глазах – грубых циников юмор –
Репперов «Эминем».
Позови, позови,
Пока мы удаляемся в разные стороны,
Чтоб
Снова встретиться, сблизиться, слиться, сродниться в единстве,
Прежде чем не растает любовь
Льдинкой-капелькой в теплых ладонях...
Душам заиндевевшим что ныне желанней всего?
Лишь тепло, и одно лишь тепло, и одна только ласка!
Позови!
Во весь голос меня позови, мне нужнее всего
В этот лунный морозный сочельник свиданье с тобою!

Узелки тоски-печали вяжут пальчики твои,
Нежный профиль различаю сквозь морозец на окне.
Утонченна ты, как точно созданная для любви,
Улыбаешься, дивишься бледной тенью при луне.
То воспрянешь, разругаясь, обижаясь, как дитя,
Во дворе глазеют парни, не уходят ни за что.
Шепчут имя дорогое, влюблены-то не шутя,
Хоть продрогни от мороза – все в расстегнутых пальто.

ТОПОЛИНЫЕ ВЕТВИ

Тополиные ветви под ветром вздымаются ввысь,
Изгибаясь в порыве, смиряясь, склоняясь покорно,
Старый дуб неподвижен, над ним полумесяц повис,
И застыл он в овраге – погибели маскою черной.
Разлетаются листья и призраки, схвачены мглой,
Тополиным ветвям не до смеха, как в мае бывало.
Вкруг – утесы угрюмые. Вдруг, нарушая покой,
Словно мамонта тень по земле проскользнула – пропала...
Саркофаги распахнуты, траур безмолвия лег
На заросшие тропы, и в летопись канули годы
Необъезженных чувств, ликований, надежд и тревог,
Тополиные ветви над ними сомкнулись, как своды.
Тополиные ветви вздымаются ввысь, в суете,
Не стесняясь, о прошлом, о грешном, о сладком вздыхают.
Я у храма стою. И смотрю в заревой темноте,
Как цветы, что бросали за гробом, в пыли увядают.

МОНОЛОГ ДОН-КИХОТА

Пора уйти, не станет время ждать,
 Мой верный Санчо, будь со мною рядом,
 Не жаль ристалищ свинских покидать,
 Гнилая рама жизни стала адом...
 Что тут творится, Санчо, мир наш стал
 Пристанищем грехов, что здесь мне надо?
 Бахвальством я шальным не щеголял,
 Вельможного не целовал я зада...
 Я не в строю всех этих бурых крыс,
 У тронных ножек ревностных лакеев,
 Что грабят нас, по жизни тянут вниз,
 Рядясь в одежды щедрых добродеев.
 Смотри, мой Санчо, как с утра бредут
 Голодные на мусорные свалки,
 Рабов толпа – незаблемый редут
 Всех деспотов, в ком капля есть смекалки.
 Не нужно нам их злата-серебра,
 Роскошных яхт или дворцов-палаццо,
 Взыщи, мой друг, небесного добра,
 Иль на луну не время ль перебраться?
 Любимца – Россинанта приведи,
 Спешу я на свиданье с Дульсинеей,
 Да наточи копье – ведь на пути
 Врагов полно, одни других лютее.
 Пора мне, Санчо! Сердце медлит бой,
 И облака – как братья горным пикам,
 Взлечу! Земля, да будет Бог с тобой,
 В аду подлунном, в горе многоликом...

ФРАНСУА ВИЙОН

Я выйду за полночь, пока вы крепко спите
В роскошных норах... Как прекрасна ночь моя.
В часы балов свечей сто тысяч хоть зажгите,
В сверканье хрусталей... Но нынче – власть моя.
Не слишком тяжело, не душно душам грешным?
Сознание не мутит злодейств бесчисленных гнет?
Вам не заметить – я бреду среди орешин,
И вырастает тень, и впереди плывет.
Но сердце холодит страх темноты осенней,
И бегают глаза, метаясь по углам,
Кровавые следы в глубинах сновидений
Дано увидеть лишь полночным небесам.
И пыльная луна, и эти переулки,
Все в эту ночь мое – все звезды, облака.
И что в душе моей звучит темно и гулко –
Один лишь я могу сказать наверняка.
Живу в тревоге я – то драки, то расплата,
Но слышу иногда фиалок голоса.
Пожалте, господа! Вам – серебро и золото,
А мне оставьте лишь окошко в небеса...

МОДИЛЬЯНИ

Вновь ядовитым я перегаром дышу,
 В теле разлагающемся
 Пестую анашу.
 Повторяю в бреду неустанно,
 Как заклинание,
 Имя твое,
 Жанна...
 Меня забыли парижские художники –
 Сотоварищи.
 Я одинок с тех пор, как покинул
 Материнское влагалище.
 Но довольно с меня дебошей –
 Их было больше, чем грошей
 В карманах...
 Скандалов пьяных
 Довольно на монпарнасской сцене.
 Вчера, на Сене,
 Я вспоминал тебя, бродя без цели.
 Был сон иль явь?
 Рассвет? Закат?
 Колокола гудели
 На куполах собора Святого Павла.
 Ты была бледным видением...
 И почувствовал я:
 Высокомерен,
 Вызов мне бросит Париж –
 Я был в этом уверен.
 И душу мою
 Разрубит толпа на куски
 Для мясника.
 А пока...
 Жанна, смотри,
 Словно на полотне,
 Плавно стекает закат.
 Ночь эта минет, и в смертном сне
 Я уйду
 И не вернусь назад.

ИЗ СТАРОГО ДНЕВНИКА

Скоро зиме уж конец, мама, прошу, превозмоги это время,
Не сокрушайся до слез из-за разваленного забора...
Преодолей снегопада глухого, туч этих снежных
свинцовое время.
Жалуется на здоровье отец: «Сердце уходит, помру,
видно, скоро».
Вытерпи, мама... В слякоть и дождь хворост в лесу собираешь
в потемках...
Сытых соседей насмешками пренебреги, идя с полной котомкой.
Тягот полна твоя доля, терпи же, знаю, болееешь и спишь
беспокойно,
Тощ кошелек твой, но выглядишь на людях благообразно,
степенно, достойно.
Кто-то присвоил твои трудодни, врылся кротом, переделал
бумаги,
И прикарманил копеечки – много ли надо смекалки, отваги...
Скоро конец этой нудной зиме – что там осталось –
неделька-другая,
Выглянет солнце, на мельницу съездишь, вновь за валежником.
Свечкою тая,
У очага ты сидишь,
Про себя что-то нашептывая под сурдинку,
Словно снежинка, почти невесома и безобидна, словно
снежинка...

Это бремя воспоминаний
 Облегчишь ты мне, может быть, мама,
 Ношу памяти,
 Ту, что на плечи мне взвалена.
 Тот, первый плач-причитанье над мертвым,
 Мною услышанный,
 Сколько в нем горести было!
 И сельчане боязливо сгрудились –
 Осиротела деревня на одного человека,
 Но дух ее вновь оживал
 В слезах Харитона, Бабуны,
 Нателы, Хахутии,
 Пасико, Ангелины –
 Всех не перечислить!
 И бежали мы, дети,
 Охвачены горем, на крик тот ночной,
 Кто босой,
 Кто наскоро полуодевшись,
 Потеряв чувство времени, чувство пространства...
 Всяк рожденный на свет так по жизни бежит –
 С дней младенчества, светлых кудряшек
 на подушечке люльки скрипучей –
 До того
 Неизбежного холмика над заколоченным гробом,
 До цветов, что взрастут из растаявшей плоти весной...
 Что же там, за чертой?
 Встреча с Богом или пустота, пустота, пустота...
 Мы вопросами этими не задавались,
 Мы бежали туда,
 Где случилась беда,
 Любопытствуя – впрямь
 Он ушел навсегда?
 Он покинул сей мир,
 Поселился в ином?
 Обходили мы гроб всем скорбящим селом,
 А потом, у ворот, мы стояли как бы на часах,

И судили-рядили о том, есть ли жизнь в небесах?
Что есть смерть – возрождение иль исчезновение?
Будто все остальное нам было уже досконально известно,
И осталось узнать лишь одно –
Что в небесных чертогах увидеть нам всем суждено?
Мама, ты распрощалась с колодками времени,
Там, в беспредельности,
Взором смертным тебя не могу я узреть
В этом мире, гудящем,
Словно улей пчелиный,
В этом хаосе мегагалактики,
Дребезжащем, жужжащем, звенящем, –
Суть слова познал я,
Познал подноготную женской души и желаний;
Но подкосит старуха беззубая – Смерть, и меня.
И тогда ношу памяти на плечи перенесу
Ставшим взрослыми детям моим,
Словно снег, ветви голые отяжелят
Эти воспоминанья потомков моих...
Научили прожитые годы меня:
Ничего никогда в мертвой точке не может застыть,
Ни секунда, ни даже мгновение.
Ноль – понятие несуществующее.
Не придумали, изобрести не сумели даже светочи мысли
Формулу настоящего времени.
Так что ж мы имеем в остатке сухом?
Только жизнь – вечных воспоминаний итог...

Вот уж целую жизнь все готовлюсь я в путь,
Провиант собираю, идти-то далече,
Храма колокола не сзывают на вече,
Прилегли на оgrade двора отдохнуть.
И тревожится мать, неуютно и мне,
Кто беду отведет, приютит, пожалеет?
Кто лекарство подаст, если хворь одолеет?
Тяжеленный рюкзак ведь тащу на спине.
Мать меня осеняет крестом, говоря:
«Умоляю тебя, будь на спусках-подъемах
Осторожнее, сын! Берегись незнакомых,
Тех, что прячут кинжалы, улыбки даря».
Я не знаю, что будет грядущей зимой,
Если выдержу зиму ледащую эту,
Лай собак по деревне – и сладу с ним нету,
Завтра снова бороться с метелью и тьмой.
Вот готовлюсь я в путь, ведь по цели и честь,
Мне далече идти, провиант собираю,
Кто мне будет защитой? – не знаю, не знаю...
Мертвый колокол? Мамы молитва? Бог весть...

У МОГИЛЫ ОТЦА

Видишь, мой добрый отец, как черешня понурилась...
Ветви не к небу уж тянутся, ягоды сморщены...
Помнишь, какими ядреными были черешенки...
Ветви не к небу уж тянутся, в землю уставились...
Кроною в юности неба касалась лазурного,
Ныне ж ослепла, оглохла,
Одряхла и сгорбилась.
Спелы, пурпурно-упруги, плоды собирали мы,
Сладки-пресладки, давно это было, однако же.
Вот и соседи смеются – чего церемонишься,
Или пила затупилась – спили на дрова ее,
Видишь – бесплодна она, видишь – лишняя
Эта черешня в саду,
Посадил бы ты новую,
Ягод подарит тебе, вкуснотища, сам ведаешь...
Только не знаю – как дерево детства рукой своей
Добрый отец мой, сгублю, ведь и сам я состарился,
Сам изветшал, обомшел и страшусь быть распиленным...

Первую двойку свою
 Помню отчетливо: класс выпускной,
 Тема – свободная. «Счастье».
 Прямо за партой всплывает картина из детства:
 Мама моя ворошит кочергой угольки,
 Прядают искорки;
 Входит отец,
 С мимолетной улыбкой садится к столу,
 В ожидании ужина медленно перелистает газету...
 Сестры мои, как замерзшие птенчики,
 Жмутся друг к другу
 У неостывшего жара углей.
 Те раздумья и воспоминанья свои
 Завершил я одним предложеньем:
 «Счастье – это когда
 Вся семья собирается дома»...

Что такое детство?
Сон цветной,
Свет зари у заводи речной,
С ветки вишни спрыгнувший апрель,
Двор отцовский,
Жаворонка трель.
Детство –
Сказка возле очага
О коварстве злобного врага,
О царевне, подвиге, любви;
Кони деревянные твои,
На которых вкруг родимых скал
Все предместье с криком обскакал.
Детство –
Гор, лесов, небес простор,
Мама,
Твой открыл его мне взор.

Под сенью лоз сплошная тишь,
Ни шороха вокруг,
И ты, ссутулившись, молчишь,
Дом детства, добрый друг.
И мельница пустым-пуста,
Все поросло быльем,
Вот храм... Уж лет прошло полста,
Как я молился в нем.
Лениво дни ползут, ворон
Считая, дни ползут,
Где Калманэ, где Харитон,
Что пели-пили тут?
Родные бросили места,
Гнет ветер ветви зло,
Они дрожат... Уже полста
Годков молчит село.

МОИМ ДЕТЯМ

Отец ваш поэтом родился, стихам он служил,
Обид, унижений немало вы в жизни стерпели,
Вас, словно сирот, я водою и хлебом кормил,
Качались в холодном, убогом дому колыбели.

Я вам покровителем щедрым, холодным не стал,
Кто вместо меня? Не дает мне раздумье покоя.
А чрево отчизны грызет за шакалом шакал,
Что мне вам на ужин купить? Портмоне-то пустое...

Не сетуйте, что обеднел, обнищал ваш отец,
Появится кто посильней – растворюсь, спрячусь в тень я,
Поскольку на солнце пируют, без душ и сердец,
Одни скорпионы да змеи, живя в наслажденьи.

«И рвутся аорты», и беды сменяют долги,
Долги оплачу – снова горести, снова наветы,
И жаль мне стихов: в темноте, где не видно ни зги,
Со мной голодают, в нешвенные рифмы одеты.

Я вам завещаю стихи – нет другого добра,
И пусть они будут на вашем пути маяками,
Как горько, что выпала вам лихолетья пора,
И старится, старится, старится детство с годами...

СТАТИСТ

Утро наставшего дня – вот он, фарс,
 Наготове уже постановщик.
 Участь завидна твоя, ты – статист.
 Так живи ж, не коря, не кланя,
 Даже того, кто в партере тебя,
 Ерничая, подденет.
 Даже судьбу вероломную, что
 Рада твоим паденьям.
 Стоя в кулисах фарса «Сегодня»,
 Плачешь ты и смеешься беззвучно,
 А годы идут.
 Занавес – поднят – опущен. Скучно!
 Смотришь на взлеты – паденья его,
 Как на ртуть, что в термометре –
 Ниже – выше...
 Быть ты обязан то гадким лжецом,
 То правдолюбцем, а то мудрецом,
 То пациентом с поехавшей крышей...
 Если во сне ты подчас закричишь,
 Голос узнаешь ли?
 Свой он, чужой?
 Что ж, выходи за кулисы
 И стой,
 Глядя на занавес,
 Словно на градусник,
 Стой.

ИЗ ЦИКЛА «КАПЛИ НА СТЕКЛЕ»

О ты, цветок,
Расцветший на могиле материнской,
Трепещешь ты под ветерком,
Кажешься ты мне
Дыханьем матери...

Сколько же длинных зим
От бессонных моих ночей
До вечного сна твоего,
Мама...

Вернулся я домой,
И стало ясно вдруг –
Никуда
Не уходил я отсюда.

Может, никакая не трагедия –
Прощание со старыми масками,
Вроде как выбросить
Поднадоевшие игрушки
И купить новые...

Я законопослушный плательщик,
Добром плачу за зло,
За ненависть – любовью,
За яд – бальзамом,
Жизнь – строжайший инспектор,
Поэтому выписывает мне
Самые крупные штрафы.
Благодарю слова –
Те, что не льстят,
не мстят.

Ты помнишь ли ту ночь,
 Когда читала супругу
 Лирику Шандора Петефи?
 А он, прихрюкнув,
 Повернулся набок
 И погрузился в дремоту...
 Ты помнишь ли, как, отбросив одеяло,
 Вынула из гардероба девичье платье,
 Принарядилась,
 Сняла с пальца обручальное кольцо
 И расплакалась...
 И такую тоскою наполнилось сердце
 По весеннему полю, устланному ковром ромашек,
 Без единого сорняка...
 А ныне...
 Ныне ты прямо с утра брюзжишь
 И жалуешься на судьбу,
 И, утопая в бесконечной стирке, глажке
 И прочих хозяйственных мелочах,
 Не замечаешь, как вновь,
 Тяжелая, мешкотная, словно старый верблюд,
 Приближается к окнам вечерняя мгла...

ЮМОРЕСКА

Ревнивца раскрасавица-жена
Корить-бранить его пришла ко мне,
Гульнуть не прочь (молва гласит) она,
А правда нервно курит в стороне.

Все плачется в жилетку: «Ни на грош
Тепла и ласки, ругань лишь одна!».
Уйду скорей! Бьет искушенья дрожь,
Вот-вот со мною согрешит она!

ИРОНИЧЕСКОЕ

Язык за зубами держать
И редко где вымолвить слово...
А лучше и вовсе молчать –
Успеха и славы основа.
Так гением можешь прослыть среди людей,
И сдохнет в припадке завистник-злодей.

Милосердье, жалость – ерунда,
Грусть, печаль – пустая профанация,
Это – наше время, господа,
Наша, господа, цивилизация...

Трещат поленья в очаге. И глаз
 Не сводишь ты от них который час.
 ...Вот кабинет. Порога дерматин.
 Толкаешь дверь – сидит министр-кретин.
 В приемной ярко-рыжая мадам,
 Взгляд – по чулочкам. Понимай: «Не дам».
 стакан воды холодной поднесен
 Министру. А в воротах поросенок
 тычет влажным пяточком,
 У очага хлопочет мать. Торчком
 Цыплячьи лапки. Фартук весь в золе.
 ...Мадам сидит в приемной. Крем-брюле
 Едя, она прелестна. Но вдвойне
 Красивей платье, как закат в огне.
 Взгляд – по чулочкам. Зашатался мир,
 Да только ты не приглашен на пир.
 Министру поднесен воды стакан.
 Ладонь – белей снежинки. Тонкий стан.

ОТВЕРГНУТАЯ ПОЭТАМИ

Лишь бледное мерцанье монитора,
Знакомых клавиш постук... За окном
То шелест тополей, то гул моторов
Но я прикован, стал тюрьмой мне дом.
Луна царует, день ли рассветает –
Клавиатуры стрекот в уши бьет,
Напротив Мзия кактус поливает,
Внизу скандалит пьяница Ашот.
Взовьется коброй новостная лента,
Страшнее пулеметных канонад,
А пальмы, словно пьяные клиенты,
На пляже в Гаграх, устыдясь, стоят.
Компьютерное время не в ответе
За буйство трав, за капельки росы,
И на алтарь дурацких фоток дети
Приносят жизни лучшие часы.
Сам продан в рабство – спорить нет резона,
Молчу – едва стих завершить сумел,
Слоняется луна по небосклону,
Поэтам надоевши, не у дел.

МИГРАЦИЯ

Магнитофон, в полутьме мурлыкающий, манящий.
 Стан твой раскачивается в такт одержимо.
 Вот и настал расставания вечер.
 Ты остаешься в памяти сном причудливым,
 Таинственна, непостижима.
 Ревность скрывая,
 Не выдавая
 Даже намеком свое изумление...
 Пена шампанского перекипает через края наших бокалов,
 Ты рассуждаешь о Галактионе,
 Музе его, что возвышается над Мандельштамом и Элюаром,
 Перебивать не имею желанья.
 Смеешься ты,
 Облачком дыма окутана от сигаретки.
 Перебивать не имею желанья.
 Голос твой страсти исполнен.
 И фразы
 Так утонченны, так образы метки,
 Что опасаясь нарушить я адскую, в вихре,
 Гармонию эту...
 Пусть нас рассудят прошедшие годы...
 В прошлом остался контур девчушки с косичками,
 Нежной, стыдливой, за школьною партою чинно сидящей.
 В прошлом – отец мой,
 К дому с покоса усталой походкой с серпом подходящий...
 Звуки трамвая услышав под утро
 И пробуждаясь,
 Ты вспоминаешь деревню родную
 И не по дням – по часам выраставшую
 Буйно-густую траву полевую...

Дождь идет. И, словно по голням,
Капельки – слезами с желобов.
Крыши грудь намокла по велению
Черных туч, угрюмых стариков.
Глаз не отведу от капель-бусин,
В голове мутится, стынет кровь,
Как же повелитель струй искусен,
Что, ответь мне, нашу ждет любовь?
Дождь идет. И, словно по голням,
Капельки – слезами с желобов.
Крыши грудь намокла по велению
Черных туч, угрюмых стариков.

Я могу под падающим снегом
Лес цветущий летний рисовать,
Грустные раздумья пред ночлегом
Нитями апрельскими связать.
Ничего, что ветер бродит – свищет,
Миновали тысячи дождей...
Женщина найдет меня? Отыщет?
Отогреет на груди своей?
Разгляжу ль в пришествии рассветном
Свет фиалки – пламенем свечи?
Будешь ли ко мне ты милосердна,
Путнику, заблудшему в ночи?

Я знал, что однажды поманишь меня, позовешь,
И в крошечке снежном под вечер ко мне ты войдешь.
С глухим декабрем в побегушки сыграет буран,
Утихнет – и шелест деревьев всколышет туман.
На ветке кизила воробушек долю клянет,
Мороз не шутя ему крылышки щиплет – дерет.
В узорах вечернего инея стекла твои,
Но слово заветное пальчиков росчерк таит.

Мы жили порознь.
Много лет прошло.
Хоть чашкой кофе развлечемся, что ли...
Или шампанским.
Пена чрез стекло
Стечет...
Как любо с легким алкоголем...
И кажется,
Что можно жизнь вернуть,
Яснее сделать,
Избежать ошибок.
И кажется,
Что будет легче путь,
Что будет больше
Радостей, улыбок.
Но прошлое...
Куда ж его девать,
Оно, как сплетня,
Жжет и донимает,
Судьба годам –
Как листьям опадать,
А не цвести –
Мы это понимаем...

Все круче горная тропа
Ошую облаков,
Глуха вершина и слепа,
В сиянии снегов.
Так бы с тобой, к плечу плечо,
Я век бы прошагал,
И целовал бы горячо,
И горя бы не знал.
Но счастье промелькнет, как тень,
Растает, канет в ночь,
А нынче – наш с тобою день,
И все тревоги – прочь.
Ввысь путь – в небесные края,
По узенькой тропе.
И ты со мной. Зачем же я
Тоскую по тебе?

Вещало сердце – близится рассвет,
 Ночь укрывала грех своим покровом,
 Я тысячи лучей за столько лет
 Перевидал – и лик твой в каждом новом
 Являлся мне – и все твои черты,
 И в каждом блике чудилась мне ты.
 Подснежники улыбкою твоей
 Казались мне в проталинах полей.
 В тот год зима чудила за окном,
 Свечою снег мерцал, незримо тая,
 И ночь, еще нетронутая сном,
 Плыла, как в сказке, тихо напевая.
 То ветер, затаившись, поджидал,
 Как тать бродяжку, иву вожделенно,
 Мглы леденящей накатился вал,
 И с жизнью счеты свел самозабвенно.
 Тянулись руки в пустоту. Плыла
 Луна над домом, где царила темень,
 Безмолвной плакальщицей ночь брела,
 Там, по тропе, где застывало время...

Я принужден взор обратить к свободе
И устремиться по твоим следам...
Нестройный хор из окон слышен. Вроде
Там кашляют или хохочут там?
И мысли мысль, спеша, противоречит,
Кто в лес, кто по дрова – пьянчужек хор.
Твой светлый лик больную душу лечит,
Мостов и улиц озарив простор.
Вдаль, по следам твоим, шаги считая,
Иду, дыша бесшумно, сам не свой...
Твой особняк и дверь его резная
Была такой роскошной и чужой...

Я вспоминал ту ночь, те «да» и «нет»,
Усталые снежинки на покое,
Как жаль, что ночи той простыл и след,
И время вспять не обратить земное.
Как было нам у очага тепло,
А за окном погода рассердилась,
И ожил снегопад, и как назло
Лиса в тумане бури заблудилась.

Я слышал тебя и без слов, а гостям
Домой не терпелось, на двери косились,
А бледность твоя... Им казалось – пустяк.
Печаль в твоём взоре... Безделка – простились.

И поезд вдоль окон промчится, гудя.
Следы на снегу – путник, дом-то не близко.
И кот замурлычет, уюта дитя,
Блаженствуя в ворсе ковровом персидском.

Контраст светотеней, природы вещей,
И отсвет трепещущий люстры роскошной.
И в окна снежинки вбивает Борей,
В январскую стужу напившись безбожно.

На рассвете – эротика пальм, и по горным уклонам
Первый солнечный зайчик игриво скользнул. И горят
В каждом нерве огни. Пьяный бриз в декольте лампионов
Нагло лезет, и солнце густою смолою каленой
Проливается в лоно морское, клонясь на закат.

И от засухи взбрендило лето, но зной нам не страшен,
Обещаю прохладу тебе ввечеру подарить,
Клятвой страсти повязаны, роли расписаны наши,
Ласке росной – смотри – и фиалка вольна уступить...

Пьем из чаши одной, время нашему счастью – не бедам,
Да ведь солнце с луною недолго бывают вдвоем,
Я в порядок стихи привожу, укрываюсь я плодом,
И во сне повторяю молитвенно имя твое...

Нас поймали «тепленьких», с поличным,
Сплетен цель мы – снова и опять.
Сколько визгу – ай, как неприлично,
Возраст все ж... А нам-то что скрывать?
Смотрят завидущими глазами...
Я – из прокаженных, иль чумных?
Неужель не пялитесь вы сами
В декольте гражданок молодых?
Завтра... Просишь ты принять решение...
Небо надо мною – как стекло,
Растопило холод прегрешенья
Тонких твоих пальчиков тепло...
А безлунной полночью глухою
Все жужжит процессор – старый друг.
Я кибенизирован тобою
И кибернизирован в «Фейсбук».

Шла ты, трепетна, словно свечи огонек,
Словно поле в цвету, шла ты, словно танцую,
Ветер юбку твою приподнял, приналег,
Ночь провел я без сна, ревновал к сорванцу я.

И правда, и слухи, и грех, и вина –
Лежат на плечах, тяжелей валуна.
Решишься однажды – и замуж пойдешь,
И чашу терпенья до дна изопьешь.

А годы вповалку – бредут и бредут,
И ночью шипы искушения жгут.
Муж станет привычкой. Один с него толк –
Добыча, забота, супружеский долг.

Живешь, изнуренная, тихая, ты,
Как в мутной воде, у просвета черты.
Ты – женщина. Прочее все позабудь.
Измена – твой путь, неизменный твой путь.

У ТЕЛЕВИЗОРА

Ты нарисована не Гойей ли Франсиско,
Манэ волшебником? Дега? Ты до упаду
Приплясываешь, и трясутся сиськи
Твои эбеновые – ну, еще ламбаду!
Картина давняя на память мне явилась –
Соседка-девочка стояла у ограды.
Она мне нравилась. Она в тумане скрылась,
В молочной паволоке, в глубине аркады...

Мне кажется, еще один шажок –
И ты покинешь царство снов, ступая
На солнечный фиалковый лужок
Под облаками, на пороге рая.
Потом, заката дверцу приоткрыв,
Ты звезды в небесах зажжешь, как люстры,
А город будет спать, переменяя
Строптивый норов на лениво-грустный.
И в эту ночь ты явишься из тьмы.
(Увидела меня? Иль сочинила?)
И скажешь: «Как прекрасна ветвь хурмы
И сладкие тутовые чернила»...
И это будет в добрый час, когда
Служебные смолкают свистопляски,
И в чайнике уже шкворчит вода,
И бабушки рассказывают сказки.

ВЫСОТА

Взору не осилить тех высот,
Где витал он, в миг взлетов единый,
Людам же казался с волосок
Тот художник... Чудные картины
Украшали комнаты. А он
Неустанно новые полотна
Создавал...
У смерти свой закон.
Явится, когда самой угодно.
Рано мастер мир покинул сей,
И холсты подернулись туманом,
Но ворвалась в комнату нежданно
Светозарность вечности лучей.
Унося художника в дорогу
К самому небесному чертогу.

«ОСЕНЬ» ЕЛЕНА АХВЛЕДИАНИ

Поздней осени листья приговоренные
Пойманными рыбами трепещутся вдоль дорог.
Сорван зеленый халат с деревьев,
Стоят они, обнаженные,
И плоские кровли тбилисских домов
Сжаты в тисках тревог.
Послушай, это – орган, его медоточивый басовый регистр,
Так поскорее запечатлей тень эту, облака промельк столь быстр,
Посмотри – поблекшие безмолвные леса будто съежились,
Заходящего солнца светом холодным облиты,
А колокола на заре встревожились.
В Сиони свечу зажги ты...
Вывраны спелых гранатов ланиты,
И похожи на ромашки в солнечный полдень
Клочки облаков перламутровых.
А кинто просыпается под утро и
Уходит в свою повседневность по светло-соломенным тропкам,
К духанам, прильнувшим к скалам,
Багровеют в сумерки черепицы,
Затишают птицы...
А когда сникает иссиня-темное пламя ночи, мне кажется,
Вы рисуете Нарикала...
А у подножья ее – Никала,

Поднял ягненка он жертвенного на закорки,
 Господи, ну почему же мы так равнодушны,
 Нищим он умер в каморке...
 Осень врывается, разочарованная, опустошенная,
 Требуется в жертву она принести солнечный цвет,
 Небу пасмурному, приглушенному...
 И пробегает проворная кисть
 В небе над Мцхетою, по облакам фиолетовым,
 Контур фазана над Анчисхати, как из пращи вылетает, и это вы
 Долг отдаете ночи наступающей,
 Часто сменяющей маски,
 Скоро уже на холсте закачаются краски бессмертья,
зеленые краски...
 Ну, а сегодня, по сельской дороге, колесами старой арбы,
 Осени дни вновь поскрипывают, словно колеса судьбы...

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

(Лиане Исакадзе)

По ветке вишневой смычок пробежал,
Тополя
Ветерок слегка всколыхнул,
Соль ... си... ля...
Словно бы всколыхнулись в душе.
Ля... соль... си...
Отошед,
Замерев, отдохнул звук,
Сочен так и красив...
Словно плеск родниковой струи,
Встрепенулись, вновь ожили трели, –
Это птицы поют на заре или это твои
Со Всевышним беседы коснулись небес и запели?
По ветке вишневой смычок пробежал, по ветке вишневой,
И пускается в пляс ветерок,
Угасает и кружит по новой,
И витает, летает над миром
И так многолико
Столиц знаменитых панно:
Амстердам, Лондон, Вена, Париж, в перестуке
Поездов, в переключке моторов разбросаны звуки.
Собираясь, послушно взвиваясь –
Всевышнему в горсть:
До – это струн и смычка очарованный гость,
Ре – хватается цепко,

Соль – обнимется крепко,
 Фа – улыбка ее грустна,
 Ми – неприступная с виду стена,
 Разрывается сердце у Си,
 Утишиться ее не проси...
 И на крыльях тумана – дизель, бекары,
 Соло нот, и триады, и нежные пары,
 Путешествие их чародейно,
 Летят семь сестер –
 Навестить семицветную радугу – в Божий шатер,
 И, заслышав их пенье,
 Семь смертных грехов, устыдась,
 За кулисы подлунного мира уходят.
 Смывается грязь
 Наших низменных помыслов, наших желаний пустых,
 Кончено.
 Нет их.
 Было так: в День седьмой,
 Мир сотворив,
 Сказал Всевышний:
 «Да будет музыка!».

ТЕРЕНТИЙ ГРАНЕЛИ

«Нет жизни, но и смерти нет»,
Что сердце жжет? В душе вскипает?
Кнутом ветров избит поэт,
Земные цепи разрывает.

В юдоли брэнной – свой устав,
За церкви рухнувшей стеною,
Себя оплакивать устав,
Сольешься с траурной толпою.

В душе кладбище... Зов земли...
Бег мыслей, темных и поникших,
Сестры молитвы не спасли,
На слов кресте распяты вирши.

И солнце треснуло, окрест
Разлившись тусклою зарею,
Ты смертный? Стих? Иль Благовест?
Свеча меж небом и землею?...

АВТО ВАРАЗИ

Ты выговорить должен боль свою,
Как пьяницы, когда они допьют,
Опустошат последнюю бутылку,
Последний грош нащупавши, с ухмылкой
То вдруг всплакнут, задиры, то споют...

Из дома узок путь и каменист,
Не разминуться... И следов не видно.
В слезах разбухло сердце. Но – не стыдно.
Нет рядом никого. А мир ершист,
Господь-Хранитель, снизойди, пречист...

Пространство – как застенка душный куб,
Мир – камера греха, жесток и груб,
Действительность – полночный призрак гроба.
Из сердца желчь – как дождь из ржавых труб,
Ремни мороза разрывает злоба...

Сын человеческий, где искать спасенья?
Испуг царует во Вселенной всей.
Порою мы уходим в размышленья,
Как будто за лекарством для детей.
Надежда есть? Защита? Или выход?
Возводим храмы, кирпичи кладем,
То пашем-сеем, то воюем лихо,
Но знает кто – чего от жизни ждем?
И знает кто – что горе-человек
Придумает за свой короткий век...

Сегодня свадьба. Во дворе твоём
По твоему желанью зной спадает,
И вечер, одурманенный вином,
Вновь рог за рогом рьяно наполняет.
По лестнице поднимитесь вдвоем
В опочивальню, а кутеж продлится.
Достанет сплетен на селе родном...
Отвергнутым тобой парням не спится.

Все быстрее годы, медленнее мысли,
И дождю не будет, кажется, конца.
Города не видно – словно смыты мы с ним,
Жизни пульс чуть слышен, нет на ней лица...
Разве пива выпить – вон, стоят соседи ж,
Да послать заботы-хлопоты к чертям,
Пишешь ты, а тетка думает, что бредишь,
Писанина эта – просто стыд и срам.

Вот беда на селе, горе – горшего нет,
 Славный парень погиб девятнадцати лет.
 И рекою запруженной, в скорби, народ
 На руках вниз на кладбище парня несет.
 Под лавину попал, трактор вывернул, но
 Поскользнулась машина в снегу все равно,
 И лавиною плач на селе – горше нет,
 Славный парень погиб девятнадцати лет.
 Мать вязала в тот миг, а отец напевал,
 В гости смерть в этот вечер никто ведь не звал...
 Угли тлели, потом остывала зола,
 Смерть незваную гостьей неслышно пришла.
 А мороз этой черной зимою так лют,
 На руках вниз на кладбище парня несут.
 Вот беда на селе, горе – горшего нет,
 Славный парень погиб девятнадцати лет.

Вечереет.
Город мертвым царством
До рассвета под луной предстал.
Лишь бедняк в аптеку за лекарством
Поспешает, да, кляня мытарства,
Путник безбилетный на вокзал
Семенит...
Подлунным мертвым царством
Город обездоленный предстал.
Отработав в ночь, идет со смены
Коротыш-трудяга – и в постель.
Пьяницы затихли постепенно
И бродяги, севшие на мель.
Спят заботы, спит печаль людская,
Сплетни, зависть, горести, труды.
Искушенья спят, не прилипая
К душам – далеко ль так до беды?
Боже! Город спит, любви не зная,
Спит до первой утренней звезды.

Солнце, солнце, благодетель,
Не покинь мою обитель,
Помоги найти, владетель,
Шелка, золота почище.
Яслей дверь не шелохнется,
Тятя, вал гостей несется,
Тятя, долг – принять гостей,
Добрых ли несут вестей?
Или сглазят, чтобы град
Весь побил наш виноград.
Мама, черт, худой и старый,
Спит на чердаке амбара.
Пуст амбар, мертва земля,
Не родят зерна поля.
Солнце, солнце, дай нам пищи,
Не покинь мое жилище...

Амбар не в моде.
Выстроил сосед
Бетонно-застекленную теплицу.
Каких историй
В этом мире нет...
Ни в голову взбредет
И не приснится.
Чьей смерти ты
Никак не ожидал,
Тот умирает,
Всех ошеломляя...
Улыбка дня
И полночи оскал –
Все спутано.
Живешь, стихи кропая...
Зачем и для кого?
Не знаешь сам...
Колокола
Зовут народ во храм,
Луна застряла на макушке скальной,
Вдовицею печальной и опальной...

На окраине дом –
 Развалюха горбатый.
 На него я похож.
 Весь измокший, помятый.
 По полям, по лугам
 (Они были болотами некогда)
 Каши дать сапогам –
 Тоже некогда.
 Я мечтаю о вольности, брошенной там, у черешен.
 В глухомани живу,
 Многогрешен.
 То дожди, то долги, то долги, то дожди.
 Утешенье одно: «Подожди».
 Дома жалобы, жалобы, жалобы
 Старых родителей.
 Хоть кирпичик прибавил к хозяйству?
 К семейной обители?
 Хоть бы на зиму дров нарубил...
 Каюсь, я нагрубил.
 А встречаешь соседа – опять на погоду посетуешь...
 «Сколько наших-то в город подалось» - вот так и беседуешь...
 И опять моросит, и опять моросит на размытой обочине.
 Ветер то затрусит, то летит кувырком, укороченным...
 А язык без костей, и разносит он сплетни, не жлобствуя.
 Полный круг новостей, скудный ужин, постель моя жесткая...

ВОЙНА

Изогнут в знак вопроса, весь иссох,
Все ждет отец, и ставни покосились.
И в черном – мать.
Где злаки колосились
На добром поле – врос бурьян, песок...
Лишь капель дождевых ка – пе – ка – пет,
Дверь хлопает, но пусто за порогом,
А над камином – паренька портрет,
Ушедшего в последнюю дорогу.

И ЕЩЕ О ВОЙНЕ

Вот солдаты в мокрых вонючих шинелях,
 Тербящие вшивые очески своих бороденок.
 Труп изнасилованной толстухи
 Море то выбросит к берегу,
 То, передумав, обратно затащит...
 Вот и колодец заброшенный –
 Словно
 Лужа зацветшая, в сгнившей воде
 Хором лягушки расквакались,
 Точно старухи – торговки базарные,
 То вдруг затихли внезапно, невнятно брюзжа.
 В кухне жена
 Чистит последнюю картофелину.
 Взгляд то и дело бросает на радиатор она,
 В горле комок, прослезившись, не может отвести
 Взгляд от бутылочки с соской, где нет молока...

Белоснежные дни пред виденьями давних времен,
Как могильники, тянутся строем средь пашен Колхиды.
Как бороздами, саблями вал крепостной иссечен,
Бродит ветер слепым стариком, одинокий, забытый.
По мощеной дорожке бреду, по лазурной тропе,
Отдаленного пения горному эхо внимаю,
Это плач по погибшему? Жалоба лютой судьбе?
Может быть, колыбельная это? Не знаю, не знаю...
Сотни раз я убит, сотни раз возвращался я вновь,
И сменялась надежда отчаяньем, слезы – надеждой.
Колхов кровью залитая крепость – священная кровь,
Слышу клич боевой, в ратном поле сражаюсь, как прежде.

Подчас сомненья гложут сердце мне,
Подчас печалюсь, немощью окован,
Грузинской фреской и грузинским словом
Достигнуто величие зане.
Не превзойти их совершенства нам,
Нелепо даже ставить эти цели,
Добавить можно ли в Светицховели
Тринадцатый – к двенадцати столпам?
И стеклодувы, златокузнецы
Пред Богом и людьми не оплошали,
Искусство утонченное эмали
Еще до Рождества Христова знали
Отцы тех мастеров и их отцы.
А я? Обычный смертный, у черты
Сраженья Возрождения – Дидгори.
Земля моя! Ты знала много горя,
Но и побед сиянье знала ты.
Иберов прах священный здесь лежит.
Я – брат ваш, безымянный и далекий,
Я сквозь века пишу вам эти строки,
Над полем брани черный вран кружит.
След благодати вашей на снегах
Вершин, в закате тонущих извечно,
И лечит раны, лечит бесконечно
Иверия, метаясь в черных снах.

НИТЕ ТАБИДЗЕ, ДОЧЕРИ ТИЦИАНА

Отец ушел безмолвно в ночь,
И детство затворило двери,
И тьма. И некому помочь.
Звонок взревел свирепым зверем.

Туманы слез... Мутна печаль,
Глуха, издергана, нелепа...
О, не из вашего окна ль
Взлетает в страхе ангел в небо?..

НА КАРНАВАЛЕ ПТИЦ

Начинаем подготовку к карнавалу – маскировку,
 Ну-ка, все наденьте маски, канарейки, где же вы?
 Госпожа Сова, прошу Вас, покажите нам обновку,
 Наверху мы установим кресло госпожи Совы.
 Очень нежно, очень складно начинайте, птички, пенье,
 Чуть возьмете выше ноту – и охотник тут как тут,
 В пух и прах перестреляет всех без страхов и сомнений,
 Знаю, попки, что за мысли в ваши головы взбредут...
 Трескотня да пересвисты, певуны да скандалисты,
 Что за польза вам горланить, да ори ты – не ори,
 Арестованы хористы, казнены в лесу солисты,
 На кремацию пожалте, начинаем ровно в три.
 Начинаем подготовку к карнавалу – маскировку,
 Ну-ка, все наденьте маски, канарейки, где же вы?
 Госпожа Сова, прошу Вас, покажите нам обновку,
 Наверху мы установим кресло госпожи Совы.

ПОБЕГ

Нет, не отлипнет от сердца
Это безотчетное испытание страхом,
Охватывающее единым взмахом,
Ночью ли, когда разлазится на тебя пес цепной,
Или запрешься, повернув ключи во всех скважинах – до одной.
Или когда ты стремглав деру даешь по спуску,
И говорит с тобою один темно-серый цвет, боязно-тусклый,
И ты прижимаешь руку к груди, чтобы сердце не выскочило,
Крови не выкачало...
Голову в плечи втянув, несешься, как угорелый,
Грубо топча на могилах беспомощные цветы,
Тонкие струйки лесных ручейков
Башмаками пережимаешь ты,
А потом ищешь оправдания в том,
что не различал предметов ввиду темноты...
А теперь изволь,
Не зарывайся в землю, как слепые кроты,
Не лезь в петлю на чердаке, и не пытайся всех убедить, что трус
Был твоим двойником,
Не заграждай ручьев, и над каждым убитым цветком
Новые семена посеи, пусть поле покроет ковер,
избавься от мрази,
Помоги больным, одиноким, надгробья очисти от грязи,
А потом из подвала выволоки сундук,
Вынь знамя черно-бело-кизильное, разверни его, друг,
И вдохни веру в толпу ревущую, жаждущую вожда,
И брось в нее клич на фоне шума августовского дождя:
«Я пришел быть вашим главою, я ваш верховод,
Я вас поведу к свету истины, возрадуйся, мой народ!».

ТРИ ПОСВЯЩЕНИЯ ЕВЕ

1

Из чьего ты ребра, и не помнишь, наверное,
Ни смущенья в тебе от того, ни стыда,
Ты Адаму нужна, как печаль сокровенная,
Ты, как воздух нужна, ты нужна, как вода.

Обнимает волна твои бедра разъятые,
И ветра, задыхаясь от зноя, летят,
И на тело твоё, обращенное в статую,
Вожделеньем горя, устремляется взгляд.

И небес синева с горизонтом сливается,
И курчавится пеной соленый прибой,
И никак род людской по долгам не расплатится,
Ева, Ева, за грех, сотворенный тобой.

2

Страстями взоры услаждает день,
Волнами море берег обнимает,
Ты – львица, схоронившаяся в тень,
Где терпеливо жертву поджидает.

Ты лавы горячее, пережег
Огонь страстей, взметнул твои желанья,
И солнце – небосвода гребешок,
Лучами связанное, ждет свиданья.

И распахнется сладострастья ночь,
Весь трепещу, на ласки обреченный,
Отлив ты и прилив, греха ты дочь,
И крик ребра, из плоти извлеченный.

3

Ты – не бесконечное пространство,
Ты – не будоражащая ночь,
Не безбрежное морское царство,
Не луна ты и не солнца дочь,
Ты – не утро, что тепло, лучисто,
Не прозрачной, райской бег воды,
Лоно жизни, непорочной, чистой,
Женщина, возлюбленная – ты.

ПОЭЗИИ

От каждодневной, одноцветной,
Наполненной мертвой скукой прозы,
От жалоб, сплетен кабинетных,
От столбиков непостижимых цифр,
Бегу к тебе,
И если встретишь
И распахнешь врата лазурные,
И дашь послушать воркованье
Лесных пичуг,
Дыхание фиалок,
Таинственный и тихий шепот трав...
За этот миг, единственное это
Мгновенье боли, радости, смятенья
Благодарю тебя!

В тот час поэт рожден во мне, когда
Стихи призвал я на замену миру
И звезд движенье стал чередовать,
Переставлять местами их орбиты,
Планетам новые жилища находил,
И от кормила корабля Вселенной
Зевеса отстранил, комет хвостатых
Лишил прописки я на небесах;
В тот час поэт во мне рожден, когда
В селе родном, в жару ныряя в речку,
На дне набрав бокастых голышей,
Я их сушил на солнце. Раскалялась
Моя добыча, как в золе камина –
Лепешки, что под вечер мать пекла.
В тот час поэт рожден во мне, когда
Душа соединилась неразрывно
С мечтами девочки соседской в платье,
На крылья бабочки похожем, пестром,
Взметающемся под июльским ветром...
И как же поздно осознал я правду:
Галактика, деревья, голыши,
Гора и звезды, девочка-соседка –
Вот кто поэты, я же – неумелый
Их переписчик – только и всего...

«Убили поэта!»
Нет, не вызывали на дуэль,
Нет, не строили эшафот,
И не затягивали петлю на шее –
Для надежности.
Нет, ни при чем тут и «ждановская тройка»,
Просто приставили кресло его
К царскому трону.

Окончилась эпоха стихотворцев...
И некогда красавица-Поэзия
Преставилась ослепшею и дряхлой,
И мы ее хороним тихо, тайно,
Без всяких пышных церемоний.
Плачут
Душеприказчики – метафор стайка.
В надгробном слове захотелось мне
В патетику ударится, сказавши:
«О, некогда прелестное создание,
О, госпожа Поэзия, все помнят –
Из Ваших яслей соловьи взлетали,
Павлины услаждали опереньем,
И канарейки в трелях утопали;
Царицею фонтанов многоцветных
Вы пребывали... Но настанет время,
И вновь Вы пристыдите род людской,
В страстях погрязший низких, недостойных,
За то, что повернулся к Вам спиной,
Не подарив и взгляда напоследок...

Зима была бесснежною – не как
Минувшая, но все же, гость недавний,
Под Рождество явился снег – и так
Бесшумно таял на изгибе ставни.
И одинокий путник весь продрог,
Тропинку к небу отыскать мечтая,
Да и весна припозднилась, не в срок
Придя и цену жизни осязая...

Нипочем, никогда
Ни за горы сокровищ земных
Не отдам я и не променяю
Улыбки соседских девушек, в любви признания,
Откровения моих товарищей,
Все эти краски, запахи, очертания...
Хандра иногда поедом ест,
Хоть жизнь и не стоит на месте.
И смотришь, скучая,
Как в небесной просини
Сушатся развешанные облака,
Словно бы на веревках простыни.
Перед старым садом
Растянуты, словно трамвайные рельсы,
Пробегающие часы.
И вдруг – звонок будильника резкий...
Ни за рахат-лукум, ни за шербет,
Ни за какие султанские сладости
Города моего ключей не отдам я, нет,
Моей негасимой радости,
Дней моих веселых,
Моих счастливых ночей,
Не предлагайте мне царств и прочих владений,
Я – правитель и житель моих кварталов,
Пожизненных моих имений.

Ты шел домой, а за твоей спиной
Девичий смех заполнил округу,
И пальмы, чинно выстроясь по кругу,
Задумались, томимые жарой.
Ты шел домой, а за твоей спиной
Девичий смех заполнил округу.

Человек ко всему привыкает —
Если чувство его покидает,
Если шеф полоумный обидит,
Он привык — он не слышит, не видит.
И в больнице, к халатам хирургов
В пятнах крови, и к мату придурков,
И к долгам, что ему не прощают,
А и морду набить обещают.
И к измене любимой — такая
Наша грустная доля земная.
Человек ко всему привыкает
И колпак шутовской надевает,
Унижается перед торговкой,
И в толпе примирится с издевкой.
Человек ко всему привыкает.
Сплетни, слухи его не смущают,
И к назойливым виршам поэтов,
И к вопросам, всегда без ответов,
К жизни — чем она злей и тупее,
Тем бедняга привыкнет скорее.

Не боязно ли, птаха,
Стремиться в небеса?
Летишь, летишь без страха
За горы и леса.
Для радости полета
Кем ты оперена?
Чудесные ворота,
Волшебная страна...
Лазури океаны,
Перины облаков,
Летишь в иные страны,
Где нет стальных снегов.
Не боязно ли, птаха,
Стремиться в небеса?
Летишь, летишь без страха
За горы и леса.

Не заблуждайся –
Там, где явлен был
Ты в этот мир –
Не только цвет фиалок,
Не только плеск
Прозрачного ручья,
Струящегося по камням гладким...
Из этого ручья, которым ты
Гордишься так, любя его, лелея,
И свиньи пьют,
И мутят воду так,
Что Нил напоминает в половодье.
Не заблуждайся –
Там, где явлен был
Ты в этот мир –
Не только цвет фиалок...

Человек покинул мир подлунный,
А хотел взлететь он до луны,
Черный гроб, квартет играет струнный,
Оды строки произнесены...
Тамада позволит всем напиться,
Тосты говорит, самовлюблен,
А душа покойного дивится,
Драму жизни наблюдает он.

НА ОСТАНОВКЕ ТАКСИ

– Кто крайний? – спрашиваю.
Занимаю
Место полагаемое,
С краю.
Время дышит тяжело
И ползет.
Все такси не видно,
Не везет.
Кто-то прет
Без очереди,
Прет,
И еще другой,
Сопя, вперед.
Кто тут посмелей и понаглее,
Тот уедет, ясный пень, скорее.
Вот приходит, наконец,
И мой черед.
Я сажусь в такси
И еду вот.
И задумываюсь
Я о том,
В очереди крайнем,
За углом.

Здесь — начало дороги. Куда приведет меня путь?
 Здесь — начало пути. Где закончится эта дорога?
 Вот торговка, сорока-воровка, стихов своих муть
 Мне читает навязчиво, старая сплетница, строго...
 В этой гуще кофейной какие таятся деньки?
 Солнцем брызжуши? Или печальны? Пластинка шипуче
 Заикается... «Снег двухгодичный гниет». Огоньки
 Загорелись. Конца и начала не видно за тучей...
 Ожиданья немерены. Нервы истрепаны вдрызг,
 Проститутки на грязных окраинах — как манекены.
 Продается любовь бутафорская. Слышится визг.
 Водка крышу снесла, им и море теперь по колено.
 Вэтом городе роботы не покупают гвоздик,
 За ромашки — не лстись — не получишь и медной полушки.
 И не верит в царевичей сказочных город-старик,
 И давно запылились на дне гардеробов игрушки.
 Что же, вышвырни все, что скопил, опустей, как сундук,
 Из шкатулки своей побрякушки стряхни, бедолага,
 День идет по пятам кредитором, упрям, как бамбук,
 Семенит по пятам, как голодная псина-дворняга.

«НЕЗНАКОМЕЦ» КАМЮ

Я не завел друзей – на время иль навечно,
Но жил я в обществе стеклянных человечков.
Я не имел врагов, не знал коварства яду,
По кромке пропасти не прыгал до упаду,
Родства не ведал я, не ведал и ненастья,
Ни зависти, ни бед, ни верности, ни счастья.
Мне кажется, отсчет с нуля я начинаю,
И сантименты прочь – их ластиком стираю.
Таращу я глаза на магию покоя,
И, как магнит, влечет сечение золотое...

МОНОЛОГ МЕДЕИ

(фрагмент)

Проклятье на тебя, коринфская земля,
Иду на вас войной, Эллады злые боги!
Раскол судьбы: вдали – другая жизнь моя,
А в прошлом – Лихи, гор извивы и отроги.

О, грозный Зевс, всех истуканов умертви,
Всех искусителей срази своим перуном,
Жизнь – маскарад и пляска на костях-крови,
Ко всем последний час придет в краю подлунном.

Я Гелиоса дочь, пристало разве мне
Под кров чужой идти на холмах каменистых,
Вон – ветер тащит солнце на кривой спине,
Малютку-сироту влачит в слезах лучистых...

Проклятье на тебя, о злополучный день,
Когда вошел «Арго» в мою родную гавань,
Стервятники взвились, на город пала тень,
И ухал филин, как пират, и пес загавкал...

За взгляд единый твой сменила небо я...
Безжалостней зверья Ясон, коварней яда...
Наказана плетью судьбы любовь моя,
О, родина богов, великая Эллада!

Виновна, брат, руки отвести я не смогла,
Апсирт, я не прошу за смертный грех прощенья,
Ты в жертву принесен... Отец... Ночные бденья
Преследуют меня. И мертвые тела...

Из раны Абея еще струится кровь,
Не скроют радости все Каины, столпившись,
И толщу скал фиалка пробивает вновь,
Переливается слезинкой проступившей...

В волненье море...
К небу гребни вознося,
Валы вздымая, солнцу не дает просвета,
Ты вправду смел? Плыви, пощады не прося,
Ведь бурю одолеть – великая победа...

А в храме стоит полутьма. И блудницы
Молитва слышна. Полдень зноен и тих.
Великих князей под землею гробницы,
И ящерок солнце ласкает на них.
Бледней колокольня с годами. Порою
И колокол стонет, сорвавшись с вервей.
И бьется о камни река головою,
Полынь да бурьян расцвели средь полей.

Глядеть на бутафорские предметы
Тебе совсем не в радость. Наложен
Грим Арлекина – не смешного цвета,
Кричащий грим – как по стеклу ножом.
Имущество твое не скрыто маской,
Театр – вот святилище навек.
На сцене жизнь порой бывает сказкой,
А в жизни – лицемерит человек.

Я умер, и прощальный долг отдать
Пришли в мой дом родня, друзья, коллеги,
Ромашек, роз – бесчисленная рать,
Не надо слез – на вечном я ночлеге...
Ни пасынком ничьим, ни братом я
Не стал – лицо мое окаменело,
О Боже, ты хотел спасти меня,
Но бес в силок запутал, было дело.
Лужок фиалок сторожат шипы,
А жизни суть – не смерть ли? (здесь и рядом).
Как знак вопроса, я в плену судьбы
Повис меж раем и вратами ада...

Метафоры коснеют, обомшели,
Раздумий давних вязь в уме держу.
Чинары вдоль дороги поредели,
И дождь бормочет: «Осени служу»...
И городок провинциальный, садик,
Где редкие прохожие мелькнут,
Здесь каждый знает, кто по жизни гадит,
Кого же – добрым словом помянут.
Как пчелы в улье, кружат мысли. Ноя,
Проснулся, в потягушечках, рассвет.
Я, как ракушка, выброшен волною
Из жизни, и пути обратно нет.

День утомлен печальями. Как раз
Сейчас мне предстоит беседа с ночью,
Дорога, как Патриция Каас,
Тонка, и это видимо воочью.
Ночное солнце – плавает луна,
Она не больше «Пентиум» размером,
На берегу другом, у валуна,
Собралось стадо на рассвете сером.
Наставший день не прочь и согрешить,
И снова ночь темна – ни зги не видно,
Чем это видеть, лучше пережить
Ревнивый визг жены – не так обидно...

ЗАПОЗДАЛОЕ ПИСЬМО

Не письма, а «имейлы» в моде, знаю,
«Delete» – и символ обращен в преданье.
Друг старый, лист, тебя я заполняю,
И, одинокий, шлю тебе признание.

Пусть запоздало, милая, признание,
Не огорчайся, сердце не стареет,
Пока не гаснут чувства при свиданье,
Пока чинар нас приютит – пригреет.

Богаче мы, чем нувориши-туши,
Их не тошнит от куч купюр в матрасах,
Пока Эрот цикуты не осушит,
Любви не забывай, надежды нашей...

Ты для меня росинка, луч весенний,
Сонм сновидений – над твоей посталью,
В полях, лугах – чудесное цветенье,
Пожар тюльпанов смешан с птичьей трелью...

Так обратим мир бренный в многоцветье,
Мы Автандилом с Тинатин ведомы.
Как далеко от нас Аиду, Лете,
Как много парусов еще взметнем мы...

ЧТО ПРЕДПОЧТУ?

Дни опали, взлетев листопадом, что ветром гоним,
И листва промелькнула, как стрелы, что минули цели,
Испытания жизнью – мучительней смерти они,
С детства все мы уж обречены на шипы колыбели...

Боль и слезы в глазах, но гогочет от счастья толпа,
И какие грехи напридумает мир еще завтра?
И какая нас, смертных, с зарей ожидает судьба?
И январское солнце не скроет ли туча внезапно?

Что же я предпочту? В этом черном течении дней
Съединиться с толпою, где тот неуклюж, тот проворен,
Или – искрой из дула, и вот уж над жизнью моей
Раздается извечно-нетленное «Memento mori».

Над страданием смеешься, мой душеприказчик? Затих
День хлопот... Пусть хоть ночью сегодня приснится мне мама...
Кто же в басни поверит? Порос паутиною стих.
Что же с криком души мне поделать? Не ведаю прямо...

Вчера увидел я мой город,
Который дьявол взял за ворот,
Там ставили какой-то фарс,
И лица – в профиль и в анфас
Изрезали в морщины маски,
И декорации, как в сказке,
Сметались, бешено кружась,
О них жалели, сокрушались,
И постановщики сменялись;
Застыла в ужасе толпа,
Глуха, покорна и слепа.
Дрянь реквизит – неси обновки
Для следующей постановки.
Принцесса, разрази вас гром,
Хоть вы изящны и красивы,
Не жить вам в шляпке, страусиным
Сто лет украшенной пером.
В партере тишина подвисла,
И монологом закулисным –
Змеиным ядом капал бас,
И город мой никто не спас.
Пляши, мой город, под дудуки,
В мажор настроят струны внуки,
Я видел гнезда вдоль стены,
И это – явь, не грезы-сны.
И в поднебесья шапке пыльной
Лишь два щегла кружат бессильно.

О воробьях убитых сочиняем стихи мы,
Или рисуем рояль, втиснутый в старую ракушку.
Покажите мне музыки душу струною скрипичной,
Бег оленей, предутренный бег по долине стремглав.
Я стою перед вашей молельней...
С годами тускнеют слова, кровь кипела в которых.
Как монетки потертые, звякают в нищенской шляпе,
Слово за слово, выстрою – вот они, рядом:
«Любовь» «Вера»
«Сочувствие» «Честь»
Повнимательней их рассмотрите, при свете дневном,
А потом в микроскоп, по крупнице проникните в суть их,
В мире вечно одно лишь течение, прочее бrenно.
Изначальное слово алмаза прочней, неизменно.

Одно воспоминанье я в черное одел,
Другое многоцветным нарядом запестрело.
Вселенная лютует – злодейский беспредел.
И режет, словно бритва, надежно и умело.

Все роли поручили сыграть на свете мне,
Где речь о послушаньи, покорности, смиреньи.
В ромашек многоцветье я верил в детском сне,
Но, траченные молью, они во прахе, в тленье.

Невысказано сколько, и на сердце печаль,
И солнце ведь не светит сквозь мрак угрюмый тучи.
И плачет маска, плачет, прожитой жизни жаль,
Вчера ведь роль сыграть ей последний выпал случай.

Устав к деревьям влажным приставать,
Ходить-бродить убрался ветер злющий,
И завывает, снова и опять,
Пес беспризорный у чинар, все пуще.

Витрины блекнут в сумерках, плакат,
Как мумия, позеленел и высох,
И небосвод, как тигр, подслеповат,
Висит огромной люстрой в серой выси.

Безлик, невзрачен, хладен, город спит,
И сон ему – тепло, вода живая,
А где-то за оградой бузит
Пропойца некий, род свой проклиная.

И лживый мэр не хлеба, а надежд
Всучить народу норовит, хитрючий,
Вкруг низких зданий, каменных одежд –
Тяжелые, как млат кузнечный, тучи.

Языками солеными перекаленный песок
Лижет море, и пальмы вздремнули, хмельные от зноя,
Город – словно жаровня, и кровь застучала в висок,
Страсти нет ни конца, ни начала, уж время такое.

В знаменитом «Телеби», где чокнуться можно легко,
Пляшешь ты до упаду, зовущая, вся извиваясь.
Словно молния, дрожь пробегает по телу, и кто-то из ко-
мпанейской гурьбы потянулся к тебе, прикасаясь...

И для сплетен базарных распахнуты настежь врата,
И халаты грехов уж подвешены – видишь воочью.
И как смертник – палаческой пули, страшусь я, что та,
Кого жажду сегодня, изменит, не явится ночью.

Переполнен пьянчужками город, а все потому,
Что громаден, и солнце багровое уж на закате.
В парк слетаются шлюхи продать свое тело тому,
Кто попросит наглее и кто пощедрее заплатит.

В этом городе нету знакомых, тем паче друзей,
Только верные мысли, как слуги, с тобой неразлучны.
И как тучи за горные кряжи уходят, так стайка блядей
Через улицу перебегают, как суки на случку.

Мнится снежное крошево в тучах. Агония дня...
Сумрак сизый, прохладный, по чуждым крадется, по стенам,
Как на кровле – куска черепицы, селенью меня
Не хватает, я нужен, я нужен ему непременно.

Шурша, с деревьев листья сорвались
И опустились плавно, словно перья,
Смотрю смиренно: тучи собрались,
И вот уже бушует дождь за дверью.

Потом листва томила без воды,
Печалью исходя и высыхая,
Проник в мою каморку свет звезды,
Явилась ночь, безмолвно причитая.

Когда ж блеснул рассвета первый луч,
Я видел горе листьев онемелых
И под навесом хмурых снежных туч –
Деревья голые в накидках белых.

МОНОЛОГ РОБОТА

Знать бы мне, почему так спокойны вы,
 Ежеутренне, ежевечерне,
 Взирая на рожу мою немотствующую,
 Кислую и недружелюбную.
 Что, скажите, осталось вам
 Недочитанного, неотфильтрованного
 И непознанного?
 Что усталились?
 Это ведь просто глаза –
 Стеклянные горшки,
 От которых ничто не ускользнет,
 Но сути происходящего
 Объяснить они не в состоянии,
 Эти стекляшки, которые вы называете глазами,
 А поэты – души свечами,
 А вот оно – сердце в груди моей –
 Забетонированный маленький поршень,
 А кровь – это красный бензин,
 Чтобы двигались все четыре конечности.
 Так отчего ж вам по нраву, как вечером на лавке,
 Болтать со мной о Камю, о Ницше, о Кафке,
 В то время как погибающие фрески Бетании,
 Неважно – поздние или ранние
 Мне безразличнее проигрыша шахматной партии.
 В общем, так, братья и
 Сестры,
 Заприметив меня,
 Лучше переходите на другую сторону улицы,
 А еще лучше, повесьте над своим столом на службе
 Какой-нибудь натюрморт, им любуйтесь,
 мой вам совет по дружбе.
 Знать бы мне, почему вам никак не надоест
 Смотреть на одни и те же предметы,
 прямо под носом, а также окрест...

Просто-напросто выпростал душу?
День простой, только страшный, как мель,
Тяжелит мою постную тушу
Эта гоголевская шинель.
Фарисейская грусть ли, молитва
Благом на сердце ляжет? Никак.
Тени пляшут, как лезвия бритвы,
Танго смерти – огонь, полумрак...
На бродячего пса ты походишь,
Шелудивого...
Город – лоток.
Ты к нему за товаром подходишь,
Приговор? Или жизни глоток?
ТЬфу на вина, на томных наложниц,
Завтра нет, и умчалось вчера,
Глаз циклопа – как шар из надкостниц,
Апокалипсис. Ужас. Пора.
Женщин плоть, словно воск, желтовата,
А мужчины – как нищие в ряд.
И надежды исчезли куда-то...
Разделит ли печаль твою брат?
Чужаком, беглецом одиноким,
Журавлем, что от клина отстал,
Не доверишься ночи глубокой,
Обнажившей звериный оскал...

Пишу: вечерний сумрак преклонил
Главу; туман в овраг, зевая, вплыл,
Косою черной машет Смерть, губя,
Старуха, мне сейчас не до тебя...
Пишу: то всхлипнет, то всплакнет ручей,
В нем топят ивы локоны ветвей,
И если вечер, отгуляв, уснет,
Межгорье туч ораву соберет.
Пишу: в душе я приручил, поэт,
Слова из леса слов, что краше нет,
Фальшивые – ланцетом отсекал,
На острие пера мне дрозд певал.
Колес аробных лягз, воловья мощь,
Звучит «Урмули» в сумерках, у рош.
Луч слился с ветерком. Зари огни...
Но, как гранат, разрезаны они.
Унялась дрожь зимы. Визг вьюги смолк.
Бежит на мертвечину старый волк.
Пишу: в зной искушенья не унять...
О, как тобой желаю обладать...

А город мой себе под нос бубнит,
А ветви плачут, листья потерявши,
С молитвой ночь слилась, и так же слит
С молитвой – в храме на колени павший.

Года ушли, а с ними и друзья,
Как было все легко и светозарно,
На крыльях прошлого покоюсь я,
А память ставит западню коварно.

В какую даль душою я влеком,
С утра до ночи в суете блуждая,
И как слуга, неразлучим с князьком,
Я к пыльным дням безмолвно привыкаю...

Ветра ввязались в долгий мордобой,
Вились дымком камина наши мысли,
Плетеная бутылъ... Губа отвисла...
Всю ночь – поэтов спор наперебой...

А душу даже запах крапивы
Из той поры разбередит, и даже
Подковы отблеск на амбаре нашем,
Где эти дни? Как дым, исчезли вы...

Вот радуга все ярче, уже не моросит,
И в чашечках фиалок подсохли капли слез,
И ничего не значит бывшее, мирно спит,
Недвижно, неизменно, застыло, как вопрос.
Лазурь и светоч неба – печатью на челе,
Вуалью изумрудной задернуты глаза,
И временем ошибки подсчитаны во мгле,
Чтобы на свет извлечь их, забвеньем наказав.
Все чаяния наши обманчивы, мечты,
Меж нами и Всевышним разрушены мосты,
И рефери считает бойцу на рынке пульс,
И снова в бой толкает: «Здоров! Дерется пусть!».
А прошлое сжирает свет завтра моего,
Где путь проляжет утром? Сказать я не берусь.
И жизнь меня мутузит, как в зеркале кривом,
Между углами – красным и синим я мечусь...

ПРИМЕЧАНИЯ:

Назуки – сладкая выпечка

«Урмули» («Аробная») – народная песня

Сололаки – старинный тбилисский район

Гурия – западнотбилисский регион

Дидгорская битва – сражение 1121 года, когда царь Давид Агмашенебели (Строитель) разгромил армию сельджуков и перенес столицу грузинского государства в Тбилиси.

Табидзе Тициан (1895-1937) – выдающийся грузинский поэт, ставший жертвой репрессий

Светицховели (Столп Животворящий) – Кафедральный собор в Мцхета, древней столице Грузии

Иберы – другое название грузин

Иверия – древнее название Грузии

Ахвледиани Елена (1901-1975) – выдающаяся грузинская художница

Сиони – Кафедральный собор в Тбилиси

Нарикала – крепостной комплекс в Старом Тбилиси

Никала – Нико Пиросмани (1862-1918) – великий грузинский художник-примитивист

Анчисхати – древнейший храм в Тбилиси

Исакадзе Лиана (род. 1946) – выдающаяся грузинская скрипачка

Лихи – горный хребет в Колхиде

Варази Авто (1926-1977) – известный грузинский художник, пионер поп-арта в Грузии

Гранели Терентий (1898-1934) – известный грузинский поэт, мистик

Автандил и Тинатин – герои поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре»

Дудуки – народный духовой музыкальный инструмент

Бетания – древний монастырь в Тбилиси

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭТ	8
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ СОЧЕЛЬНИК	9
УЗЕЛКИ ТОСКИ-ПЕЧАЛИ ВЯЖУТ ПАЛЬЧИКИ ТВОИ... ..	11
ТОПОЛИНЫЕ ВЕТВИ	12
МОНОЛОГ ДОН-КИХОТА	13
ФРАНСУА ВИЙОН	14
МОДИЛЬЯНИ	15
ИЗ СТАРОГО ДНЕВНИКА	16
ЭТО БРЕМЯ ВОСПОМИНАНИЙ... ..	17
ВОТ УЖ ЦЕЛУЮ ЖИЗНЬ ВСЕ ГОТОВЛЮСЬ Я В ПУТЬ... ..	19
У МОГИЛЫ ОТЦА	20
ПЕРВУЮ ДВОЙКУ СВОЮ... ..	21
ЧТО ТАКОЕ ДЕТСТВО?.. ..	22
ПОД СЕНЬЮ ЛОЗ СПЛОШНАЯ ТИШЬ... ..	23
МОИМ ДЕТАМ	24
СТАТИСТ	25
ИЗ ЦИКЛА «КАПЛИ НА СТЕКЛЕ»	
О ТЫ, ЦВЕТОК... ..	26
СКОЛЬКО ЖЕ ДЛИННЫХ ЗИМ... ..	27
ВЕРНУЛСЯ Я ДОМОЙ... ..	28

МОЖЕТ, НИКАКАЯ НЕ ТРАГЕДИЯ...	29
Я ЗАКОНОПОСЛУШНЫЙ ПЛАТЕЛЬЩИК...	30
ТЫ ПОМНИШЬ ЛИ ТУ НОЧЬ...	31
ЮМОРЕСКА	32
ИРОНИЧЕСКОЕ	33
МИЛОСЕРДЬЕ, ЖАЛОСТЬ – ЕРУНДА...	34
ТРЕЩАТ ПОЛЕНЬЯ В ОЧАГЕ...	35
ОТВЕРГНУТАЯ ПОЭТАМИ	36
МИГРАЦИЯ	37
ДОЖДЬ ИДЕТ. И, СЛОВНО ПО ГОЛЕНЯМ...	38
Я МОГУ ПОД ПАДАЮЩИМ СНЕГОМ...	39
Я ЗНАЛ, ЧТО ОДНАЖДЫ ПОМАНИШЬ МЕНЯ...	40
МЫ ЖИЛИ ПОРОЗНЬ...	41
ВСЕ КРУЧЕ ГОРНАЯ ТРОПА...	42
ВЕЩАЛО СЕРДЦЕ – БЛИЗИТСЯ РАССВЕТ...	43
Я ПРИНУЖДЕН ВЗОР ОБРАТИТЬ К СВОБОДЕ...	44
Я ВСПОМИНАЛ ТУ НОЧЬ, ТЕ «ДА» И «НЕТ»...	45
Я СЛЫШАЛ ТЕБЯ И БЕЗ СЛОВ...	46
НА РАССВЕТЕ – ЭРОТИКА ПАЛЬМ...	47
НАС ПОЙМАЛИ «ТЕПЛЕНЬКИХ», С ПОЛИЧНЫМ...	48
ШЛА ТЫ, ТРЕПЕТНА, СЛОВНО СВЕЧИ ОГОНЕК...	49

И ПРАВДА, И СЛУХИ, И ГРЕХ, И ВИНА...	50
У ТЕЛЕВИЗОРА	51
МНЕ КАЖЕТСЯ, ЕЩЕ ОДИН ШАЖОК...	52
ВЫСОТА	53
«ОСЕНЬ» ЕЛЕНА АХВЛЕДИАНИ	54
ДЕНЬ СЕДЬМОЙ (ЛИАНЕ ИСАКАДЗЕ)	56
ТЕРЕНТИЙ ГРАНЕЛИ	58
АВТО ВАРАЗИ	59
СЫН ЧЕЛОВЕЧИЙ, ГДЕ ИСКАТЬ СПАСЕНИЯ?..	60
СЕГОДНЯ СВАДЬБА. ВО ДВОРЕ ТВОЕМ...	61
ВСЕ БЫСТРЕЕ ГОДЫ, МЕДЛЕННЕЕ МЫСЛИ...	62
ВОТ БЕДА НА СЕЛЕ, ГОРЕ – ГОРШЕГО НЕТ...	63
ВЕЧЕРЕЕТ...	64
СОЛНЦЕ, СОЛНЦЕ, БЛАГОДЕТЕЛЬ...	65
АМБАР НЕ В МОДЕ...	66
НА ОКРАИНЕ ДОМ...	67
ВОЙНА	68
И ЕЩЕ О ВОЙНЕ	69
БЕЛОСНЕЖНЫЕ ДНИ...	70
ПОДЧАС СОМНЕНИЯ ГЛОЖУТ СЕРДЦЕ МНЕ...	71
НИТЕ ТАБИДЗЕ, ДОЧЕРИ ТИЦИАНА	72

НА КАРНАВАЛЕ ПТИЦ	73
ПОБЕГ	74
ТРИ ПОСВЯЩЕНИЯ ЕВЕ	75
ПОЭЗИИ	77
В ТОТ ЧАС ПОЭТ РОЖДЕН ВО МНЕ... ..	78
«УБИЛИ ПОЭТА!»	79
ОКОНЧИЛАСЬ ЭПОХА СТИХОТВОРЦЕВ... ..	80
ЗИМА БЫЛА БЕССНЕЖНОЮ... ..	81
НИПОЧЕМ, НИКОГДА... ..	82
ТЫ ШЕЛ ДОМОЙ, А ЗА ТВОЕЙ СПИНОЙ... ..	83
ЧЕЛОВЕК КО ВСЕМУ ПРИВЫКАЕТ... ..	84
НЕ БОЯЗНО ЛИ, ПТАХА... ..	85
НЕ ЗАБЛУЖДАЙСЯ	86
ЧЕЛОВЕК ПОКИНУЛ МИР ПОДЛУННЫЙ... ..	87
НА ОСТАНОВКЕ ТАКСИ	88
ЗДЕСЬ – НАЧАЛО ДОРОГИ... ..	89
«НЕЗНАКОМЕЦ» КАМЮ	90
МОНОЛОГ МЕДЕИ (ФРАГМЕНТ)	91
ИЗ РАНЫ АБЕЛЯ ЕЩЕ СТРУИТСЯ КРОВЬ... ..	92
А В ХРАМЕ СТОИТ ПОЛУТЬМА... ..	93
ГЛЯДЕТЬ НА БУТАФОРСКИЕ ПРЕДМЕТЫ... ..	94

Я УМЕР, И ПРОЩАЛЬНЫЙ ДОЛГ ОТДАТЬ...	95
МЕТАФОРЫ КОСНЕЮТ, ОБОМШЕЛИ...	96
ДЕНЬ УТОМЛЕН ПЕЧАЛЯМИ...	97
ЗАПОЗДАЛОЕ ПИСЬМО	98
ЧТО ПРЕДПОЧТУ?	99
ВЧЕРА УВИДЕЛ Я МОЙ ГОРОД	100
О ВОРОБЬЯХ УБИТЫХ	101
ОДНО ВОСПОМИНАНИЕ Я В ЧЕРНОЕ ОДЕЛ...	102
УСТАВ К ДЕРЕВЬЯМ ВЛАЖНЫМ ПРИСТАВАТЬ...	103
ЯЗЫКАМИ СОЛЕННЫМИ ПЕРЕКАЛЕННЫЙ ПЕСОК...	104
ПЕРЕПОЛНЕН ПЬЯНЧУЖКАМИ ГОРОД...	105
ШУРША, С ДЕРЕВЬЕВ ЛИСТЬЯ СОРВАЛИСЬ	106
МОНОЛОГ РОБОТА	107
ПРОСТО-НАПРОСТО ВЫПРОСТАЛ ДУШУ?	108
ПИШУ: ВЕЧЕРНИЙ СУМРАК ПРЕКЛОНИЛ...	109
А ГОРОД МОЙ СЕБЕ ПОД НОС БУБНИТ...	110
ВЕТРА ВВЯЗАЛИСЬ В ДОЛГИЙ МОРДОБОЙ...	111
ВОТ РАДУГА ВСЕ ЯРЧЕ, УЖЕ НЕ МОРОСИТ...	111
ПРИМЕЧАНИЯ	112

Издатель –
Международный культурно-просветительский Союз
«Русский клуб»

Руководитель проекта –
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ
заслуженный деятель искусств РФ,
заслуженный артист РФ

ДАВИД ШЕМОКМЕДЕЛИ
СТО СТИХОТВОРЕНИЙ

в переводах Владимира Саришвили

Редактор
НИНА ШАДУРИ

Художник
ГЕОРГИЙ ЦЕРЕТЕЛИ

Дизайн, компьютерное обеспечение
ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ

Допечатная подготовка
ЕЛЕНА ГАЛАШЕВСКАЯ

Давид Иванович Такидзе (литературный псевдоним – Шемокмедели) родился 8 апреля 1953 года в селе Шемокмеди Озургетского муниципалитета Грузии.

Президент Общества Руставели Грузии.

Поэт, прозаик, эссеист.

Сооснователь «Всегрузинского Общества Руставели».

Посланник грузинской культуры.

Почетный президент израильского «Общества грузинских деятелей искусства и культуры «Нергеби» («Сажены»).

Почетный профессор Академии Давида Агмашенебели.

Лауреат премий им. Галактиона Табидзе, Давида Агмашенебели, Ивана Мачабели, Нико Лорткипанидзе.

Автор 22 книг, изданных на грузинском и иностранных языках.

В разные годы был заместителем председателя Союза писателей Грузии, директором издательства «Давити», редактором газеты «Литература да хеловнеба» («Литература и искусство»), редактором издательства «Эровнули мцэрлоба» («Национальная литература»).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»
www.russianclub.ge rusculture@mail.ru

